

Двѣнадцать лѣтъ спустя въ родной Бѣлоруссіи.

Тихое, ясное сентябрьское утро. Первая изморозь покрыла поля серебристой пеленой. Солнце только что выглянуло изъ-за лѣса и смотритъ какъ-то сонливо, будто не успѣло страхнуть предразсвѣтную дремоту и смутно соображаетъ:—грѣть-ли, или только потѣшить свѣтъ божій блескомъ осеннихъ лучей.

Со стороны Д-бурга, пыхтя и выбрасывая клубы дыма, въ это, прекрасное для охотника, утро, быстро двигался пассажирскій поѣздъ, приближаясь къ станціи Д-рзѣ. Вотъ наконецъ и станція. Закрывъ пары, машинистъ подалъ свистокъ тормознымъ кондукторамъ и поѣздъ, уменьшивъ ходъ и какъ-то особенно затихнувъ, будто подвигаемый невидимой силой, остановился у подъѣзда.

— Станція Д-рза! 15 минутъ! буфетъ! слышались голоса открывавшихъ вагоны кондукторовъ. Публика всевозможныхъ сортовъ повалила изъ поѣзда и, вздрагивая спросонья и подъ вліяніемъ свѣжаго утра, быстро направлялась въ буфетъ—согрѣться стаканомъ теплаго чая или рюмкой водки.

Между вышедшими изъ поѣзда на этой станціи были и два офицера Л-скаго, квартировавшаго въ Д-бургѣ, полка. Первый изъ нихъ, высокій, краснощекій брюнетъ, держалъ въ одной рукѣ заправленное въ чехоль ружье, а другой сдерживалъ прыгавшаго на цѣпи кобеля породы польскихъ легавыхъ. Второй, тоже съ ружьемъ и собакой-сукой, желтопѣгимъ сеттеромъ, не оглядываясь по сторонамъ выйдя изъ вагона, подобно человѣку попавшему въ незнакомое мѣсто, а быстро и увѣренно направился къ буфету.

— Послушайте, Ицевичъ, значить эта станція и есть конечная точка нашего путешествія по желѣзной дорогѣ? — проговорилъ первый изъ офицеровъ, догоняя быстро шагавшаго товарища.

— Да-съ, Тучный. Отъ этой станціи намъ придется двигаться по дорогѣ, не отличающейся безухабистью. Да и экипажъ, я думаю, будетъ не изъ особенно важныхъ.

Въ это время они вошли въ буфетный залъ и Ицевичъ, передавъ ружье Тучному, ушелъ на экипажный подъѣздъ вокзала справиться—прислали-ли за ними лошадей. Только что успѣлъ онъ выйти на крыльцо, какъ къ нему подошелъ, съ равнодушнымъ видомъ, бѣлоруссъ, и, снявъ шапку, а также почесавъ затылокъ, спросилъ:

— Ци ня вы, паничъ, поѣдзице у М—лино?

— Я, братъ, я. А гдѣ твои лошади?

— А вонъ, кости плоту,—указалъ онъ на простую мужицкую, но просторную и крѣпкую, телѣгу, запряженную парю довольно сытыхъ лошадокъ.

— Ну вотъ что, братъ, мы пока напьемся чаю, а тебѣ воть двугривенный. Выпей чаю или водки и приготовься. Устрой сидѣнье. Насъ двое, да двѣ собаки.

Затѣмъ Ицевичъ ушелъ въ буфетъ подкрѣпиться на дорогу, а черезъ полчаса выносивыя лошадки бодро увозили обоихъ охотниковъ со станціи.

Уже около часа телѣга прыгала по неровной дорогѣ. Тучнаго одолѣвала дремота. Упершись локтями въ колѣни, онъ то закрывалъ глаза, то открывалъ ихъ, выведенный изъ дремотнаго состоянія болѣе сильными толчками, и равнодушно поглядывалъ по сторонамъ. Собаки усѣлись хвостами другъ къ другѣ и жадно разнюхивали утренній воздухъ, готовя каждую минуту выпрыгнуть изъ повозки и приняться за свое дѣло. Игнатъ, кучеръ, равнодушно попрыгивалъ, ударяясь естественнымъ сѣдалищемъ при каждомъ толчкѣ—о палку, привязанную къ передней части телѣги для прикрѣпленія пристяжной; на эту палку совершенно спокойно усѣлся Игнатъ, ясно доказывая, что онъ настоящій, неизбалованный бѣлоруссъ. Ицевичъ, разсматривавшій съ особеннымъ вниманіемъ мѣстность, по которой они проѣзжали, обратился наконецъ къ Тучному:

— Полно вамъ дремать. Послушайте-ка лучше, а я расскажу кое-что про эти мѣста.

— Съ удовольствіемъ буду слушать. Я даже самъ хотѣлъ

просить васъ объ этомъ, да не рѣшился отрывать ваши мысли отъ воспоминаній о прошломъ, зная, что оно тѣсно связано съ этими мѣстами.

— Видите-ли вы, вонъ на горизонтѣ серебристая полоса воды. Это О-вейское озеро. Тамъ-же, когда-то богатѣйшее, а въ настоящее время въ конецъ раззоренное имѣніе О-вой,—Ш-дурскаго. Въ этомъ имѣніи я родился, а невдалекѣ его росъ до 10 лѣтъ, пока возстаніе 1863 года не раззорило нашу семью и я не пошелъ по чужимъ людямъ.

А вонъ влѣво цѣлая стѣна лѣса, а около него виднѣются постройки. Это—М-лино, другое имѣніе Ш-дурскаго. Это-то имѣніе и будетъ нашей главной квартирой во время предстоящей охоты. Въ этомъ фольваркѣ живетъ моя родственница, вдова бывшаго лѣсничаго; она что-то въ родѣ управляющаго. Баба бѣдовая и хорошая.

— А знаете-ли, Ицевичъ, мы, пожалуй, стѣснимъ ее своимъ пріѣздомъ?

— Нисколько. Мое правило—не только не приглашать другихъ, но и самому не ѣздить туда, гдѣ можно стѣснить хозяевъ. Во-вторыхъ, она не изъ такихъ бабъ, чтобы вздумала рисоваться передъ нами, въ ущербъ заведенному порядку и средствамъ. Накормить она насъ тѣмъ-же борщемъ, что и сама кушаетъ; уложить спать въ первый подходящий уголъ; дѣломъ своимъ будетъ заниматься, не обращая на насъ ровно никакого вниманія, а что касается распорядковъ по части охоты, то они уже навѣрное сдѣланы и, я увѣренъ, завтра чуть свѣтъ будетъ въ М-линѣ панъ Рачекъ, ловчій (лѣсничій),—съ охотниками и гончими собаками Ш-дурскаго.

— Однако, какъ тутъ все измѣнилось,—продолжалъ Ицевичъ, разсматривая окружающую мѣстность; — вотъ въ этомъ напริมѣръ мѣстѣ, я отлично помню, былъ лѣсъ, а теперь и слѣда его нѣтъ. Вѣдь, правда, Игнатъ, былъ здѣсь лѣсъ?

— А какъ-же, паничъ, быу. Нѣмецъ нѣякій купіу, вырубіу лѣсъ и побудовау масы такъ *).

И дѣйствительно, выѣхавъ на возвышенность, охотники увидѣли аккуратно обстроенную мызу на берегу сплавной рѣчки, впадающей въ З. Двину.

— Обстоятельство, вѣрнѣе—явленіе, очень печальное, что

*) А какъ-же, паничъ, былъ. Нѣмецъ какой-то купилъ, вырубилъ лѣсъ и построилъ мызу.

такія хорошія мѣста попадаютъ въ руки нашихъ доброжелателей, продолжалъ Ицевичъ,—но рядомъ съ ними я замѣчалъ и утѣшительные факты. Вотъ, напримѣръ, деревня. Помню я отлично ея печальный, нищенскій видъ, который придавали ей закоптѣвшія, маленькія, курныя хаты. А въ настоящее время—полюбуйтесь! Цѣлый лѣсъ трубъ! Хаты все большія, на два конца и хозяйственные постройки, какъ слѣдуетъ. Даже сады и пчелъ разводятъ. Слава Богу! Значить, свобода не пустое слово. Вѣдь, извольте видѣть, я не былъ въ этихъ мѣстахъ двѣнадцать лѣтъ, а когда уѣзжалъ отсюда, ни единой хаты съ трубой не было; рѣдкій мужикъ носилъ другую обувь, кромѣ лаптей, а теперь, посмотрите, какіе сапожищи у Игната...

Пора однако было окончить разговоръ. Проѣхавъ еще нѣсколько десятковъ саженой и поднявшись на пригорокъ, охотники увидѣли предъ собой М-лино. Видъ этого, когда-то прекраснаго, фольварка былъ поистинѣ отчаянный. Жилой двухъ-этажный домъ похожъ былъ на строеніе, перенесшее бомбардировку. Стѣны его пообвалились; крыша во многихъ мѣстахъ просвѣчивала сквозными дырами; хозяйственные постройки, очень большія, перекосились, пообвалились; о заборахъ и плетняхъ и помину не было; въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, лежа на боку, догнивали старье.

Окинувъ взглядомъ эту руину, Ицевичъ и самъ подумалъ, что, пожалуй, пріѣздомъ своимъ они причинять немало хлопотъ хозяйкѣ. Судя по разбитымъ окнамъ и обвалившимся стѣнамъ, трудно было даже предположить, что въ этой развалинѣ найдется маломальски подходящій уголъ для ночлега. Скоро однако онъ успокоился. Встрѣтившая ихъ на крыльцѣ родственница Ицевича, послѣ недолгихъ, но теплыхъ и радушныхъ привѣтствій, провела охотниковъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ трехъ, довольно большихъ и опрятныхъ, комнатъ. Въ средней изъ нихъ стоялъ приготовленный для обѣда столъ, и двѣ кровати, совершенно несмятыя, показывали, что комната эта приготовлена для пріѣхавшихъ.

Не прошло и получаса, какъ всѣ трое разговаривали совершенно свободно, безъ всякихъ натяжекъ, будто давно сжившіеся люди. Констанція Ивановна сообщила охотникамъ, что, хотя М-лино и отчаянно смотритъ вслѣдствіе того, что на его счетъ, вѣроятно, много построено хорошихъ дворцовъ въ Римѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и т. п., но дичи въ поляхъ и лѣсахъ его — не оберешься. Сама она очень часто выпугивала зайцевъ, подни-

мала громадныя выводки куропатокъ, а тетерева такъ и галдятъ каждое утро. Тутъ-же узнали охотники, что она уже объ ихъ прїѣздѣ сообщила пану Рачку, и что этотъ послѣдній общалъ завтра по-утру быть въ М-линь съ собаками.

Проговоривъ около часа о всякой всячинѣ, а затѣмъ пообѣдавъ просто, но вкусно и сытно, охотники рѣшили пройти по близости, а говоря военнымъ языкомъ, — произвести малую рекогносцировку.

Выйдя на дворъ и оглядѣвшись, они положительно не знали по какому направленію двинуться. Вездѣ казалось заманчиво: перелѣски, кусты, между ними поляны снятого хлѣба, бурьяны. Рекъ, собака Тучнаго, рѣшила этотъ вопросъ; она направилась вправо по огородамъ, а за ней и Душка Ицевича.

Не успѣли охотники пройти и 50 саженой, какъ тутъ-же въ огородѣ собаки горячо заискали и сразу обѣ уперлись. Трудно даже было повѣрить, чтобы такъ близко къ дому могло что-нибудь найтись. Пришлось однако убѣдиться, что есть еще на Руси мѣста, гдѣ въ сотнѣ шаговъ отъ жилья человѣческаго спокойно проживаетъ лѣчь. Изъ-подъ самыхъ носовъ собакъ вылетѣлъ штукъ въ тридцать выводокъ сѣрыхъ куропатокъ. Раздались четыре выстрѣла и три куропатки забили въ предсмертныхъ судорогахъ на землѣ; остальные перелетѣли за недалекій бугоръ. Охотники однако рѣшили не преслѣдовать ихъ и направились къ кустамъ. Первой попалась имъ неширокая полоса, поросшая молодымъ, но довольно густымъ лѣсомъ. Ицевичъ пошелъ съ одной стороны лѣса, Тучный съ другой, собаки зашли въ края его.

Не успѣлъ Тучный сдѣлать нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ въ его сторону вылетѣлъ старикъ-тетеревъ. Грануль выстрѣлъ и тетеревъ шлепнулся о земь.

Въ это-же почти время, шагахъ въ 50 передъ Ицевичемъ, выскочилъ заяцъ, присѣлъ на заднія лапы, опустил переднія, прижалъ уши и сталъ прислушиваться. Скоро бѣднягѣ пришлось не только услышать, но и почувствовать на своемъ боку выстрѣлъ Ицевича.

Продолжать рекогносцировку не было нужды. Ясно стало, что дичи тутъ дѣйствительно много, и охотники вернулись домой.

Время за разговорами, приготовленіями къ завтрашней охотѣ, чаемъ и ужиномъ прошло незамѣтно и наши немроды, подъ впечатлѣніемъ удачной рекогносцировки, съ одной стороны, и чувствомъ усталости, вызванной ночью, проведенной въ вагонѣ,

чи переѣздомъ на тряской тѣлегѣ,—уснули пріятнымъ и богатырскимъ сномъ.

Ночь еще не уступила своихъ правъ утру. Мракъ ея передъ разсвѣтомъ, казалось, еще больше сгустился, какъ будто напрягая послѣднія силы въ борьбѣ съ противникомъ.

Тучный и Ицкевичъ преспокойно похрапывали въ кроватахъ; собаки не отставали отъ господъ. Тучному, быть можетъ, улыбалась во снѣ молодая жена, или крошечная дочка, которыхъ онъ оставилъ въ Д-бургѣ. Ицевичу, вѣроятно, вспоминалось проведенное въ этихъ мѣстахъ дѣтство, когда онъ, удравъ изъ дому на цѣлый день, со своимъ задумчивымъ другомъ и однолѣткомъ, сыномъ кучера, разыскивалъ птичьи гнѣзда, ловилъ раковъ и рыбу, устраивалъ цѣлыя пасѣки, засаживая полевыхъ пчелъ въ устроенные изъ бересты улья.

Всею однако въ мирѣ бываетъ конецъ. Такъ и мечты молодыхъ охотниковъ были прерваны. Вдругъ подъ окнами заспавшихся немыводовъ раздались сильные и рѣзкіе, но тѣмъ не менѣе ласкающіе ухо и сердце охотника. переливы рога. Звуки рога поддерживали втѣмъ нѣсколько собачьихъ голосовъ на дворѣ, а Рекъ съ Душкой подняли отчаянный лай въ комнатѣ. Вскочили съ кроватей и охотники.

— Это панъ Рачекъ пріѣхалъ и будить насъ,—проговорилъ. быстро одѣваясь, Ицевичъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько мгновений звукъ рога, добравшись до какой-то особенно высокой ноты, сразу оборвался, а еще спустя минуты двѣ—три, въ комнату охотниковъ вавинулась мощная фигура пана Рачка. Саженнаго роста, съ выпуклой богатырской грудью, короткой толстой шеей и громадной головой,—панъ Рачекъ скорѣе походилъ на медвѣдя, чѣмъ на существо, созданное по образу и подобию Господню. Впрочемъ лицо его дѣлало очень пріятное впечатлѣніе выраженіемъ добродушія и кротости.

— Добрый день, господа! Долгонько однако спите, проговорилъ онъ, останавливаясь среди комнаты. Впрочемъ еще успѣемъ. Я съ умысломъ пріѣхалъ пораньше, чтобы дать вамъ время не торопясь позавтракать, побаловаться чаемъ.

Проговоривъ это, панъ Рачекъ степенно опустился на стулъ (который подъ нимъ закрипѣлъ) и сталъ „заряжать“, подходящую къ его фигурѣ, трубку. За паномъ Рачкомъ явились—Марикевичъ, секретарь установленной надъ имѣніями Ш-дурскаго комиссіи, и помощникъ пана Рачка, Колесникъ, изъ запасныхъ унтеровъ.

Черезъ четверть часа Тучный съ Ицевичемъ были совершенно готовы, и все общество, къ которому примкнула и Констанція Ивановна, весело болтало за завтракомъ, къ концу котораго утро безцеремонно стало заглядывать въ окна. Всѣ видимо торопились допивать чай, докуривать папиросы. Поднялся наконецъ и панъ Рачекъ со словами:

— Время, господа, приниматься за дѣло. Собакъ мы спустимъ тутъ-же отъ крыльца, чтобы поугаать капустниковъ добрѣйшей Констанціи Ивановны. Ихъ тутъ, я думаю, немало. Только не пуделять, господа! въ особенности по первому косому: а то сразу вся увѣренность пропадетъ. Легашей вы, Констанція Ивановна, примите въ свою опеку. Прикажите ихъ куда-нибудь запереть и не выпускать до нашего прихода.

Во дворѣ охотниковъ ожидалъ псарь Ш-дурскаго, молодой парень Петръ, державшій на сворахъ семь гончихъ польской породы, собакъ красивыхъ и породистыхъ, но повидимому очень плохо содержимыхъ: ребра у всѣхъ такъ и глядѣли наружу. Кромѣ семи собакъ Ш-дурскаго, были еще двѣ собаки Колесника, которыя, если не ошибаюсь, представляли помѣсь курляндской гончей и дворовой собаки.

— Ну, Петруша, спускай собачекъ! Да смотри, горла не жалѣй. Гогакай отъ чистаго сердца. Направляться будемъ черезъ Падеры, Чертовъ Логъ, Шафарню и къ Великому Селу; тамъ у Ѳедота закусимъ и отдохнемъ,—проговорилъ неторопливо панъ Рачекъ, обращаясь къ Петру.

Петръ энергично выдвинулся впередъ и, подбадривая собакъ восклицаніями „О, го! го! мои собачки! Тутъ, тутъ—поищите сѣраго“,—направился къ зарослямъ.

— Господа, расходитесь сейчасъ-же. Здѣсь непременно тронуть зайца,—послышался опять голосъ пана Рачка.

Не успѣли мы, что называется, и глазомъ сморгнуть, какъ слова пана Рачка оправдались. Въ кустахъ раздался скорѣе пискъ, чѣмъ лай собаки, на который бросилась вся стая. „Это моя Знайда“, проговорилъ торопливо Колесникъ, забѣгая къ кустамъ. Побѣжали и мы, наугадъ отыскивая болѣе подходящія мѣста.

Сразу однако заяцъ не сдался. Онъ вышелъ въ поле, провожаемый нѣсколькими безвредными выстрѣлами, потомъ свернулъ къ лѣсу, окружилъ площадку молодыхъ зарослей и тутъ только подвернулся Петру, который и уложилъ его на мѣстѣ.

Почти въ одно время съ выстрѣломъ Петра, изъ-подъ ногъ

Марикевича, вылетѣлъ выводокъ куропатокъ. Бѣднякъ, повидимому, мало бывалъ на охотахъ и вслѣдствіе этого испугался шума, произведеннаго снявшимися куропатками и чуть-ли не вверхъ вывалилъ изъ обоихъ стволовъ. Повернувшись на выстрѣлъ Марикевича, охотники увидали въ сторонѣ Тучнаго, который, подвигаясь медленно впередъ, вдругъ остановился, вытянулъ шею, къ чему-то присматриваясь, затѣмъ приложился. Мигнулъ впереди стволовъ предательскій дымокъ, глухо хлопнулъ выстрѣлъ, послѣ котораго Тучный, пройдя сажень 15 учащеннымъ шагомъ, нагнулся и показалъ охотникамъ убитаго зайца.

Отославъ убитыхъ зайцевъ въ погребъ Констанція Ивановны, чтобы не таскать лишнее разстояніе напрасную тяжесть, охотники двинулись дальше.

Въ теченіи часа, или нѣсколько большаго промежутка времени, были убиты еще четыре зайца. Охота шла очень хорошо. Но... человѣкъ капризенъ и своенравенъ. Часто даже удача раздражаетъ его. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Попадавшіеся одинъ за другимъ зайцы сильно умѣрили охотничій задоръ. На лицахъ и въ движеніяхъ нѣкоторыхъ охотниковъ замѣчалось равнодушіе.

Панъ Рачекъ, какъ опытный человѣкъ и охотникъ, сообразилъ въ чемъ дѣло и предложилъ сдѣлать малый привалъ. Грузно опустившись на землю, онъ добылъ изъ сумки, въ которую, казалось, можно было-бы запрятать цѣлаго вола,—обшитую кожей охотничью бутылку и заявилъ, что, по мѣстному обычаю, необходимо справить поминки по убитымъ зайцамъ. Предложеніе пришлось всѣмъ по-нутру и началось выгруживанье изъ сумокъ флажекъ и закусокъ. Отвѣдавъ веселящей влаги, общество оживилось. Завязался разговоръ.

— А что, пане Игнацы, дѣла у васъ, какъ видно идутъ неважно, обратился Ицевичъ къ пану Рачку. Какой отчаянный видъ М-лина. Смотрѣть просто больно.

— Что-жъ, особенно удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, пане Яне,—проговорилъ въ отвѣтъ, флегматически раскуривая трубку, панъ Рачекъ. Въ мірѣ все измѣнчиво. Приѣзжайте вы сюда лѣтъ черезъ десять и даже того меньше и навѣрное опять М-лина не узнаете. Купить его какой-нибудь Вурстманъ или Цвибельштокъ, отдѣлаетъ, приведетъ въ порядокъ такой, что коть самого Бисмарка принимай.

— Почему-же вы думаете, что это имѣніе попадетъ непременно въ руки какого-нибудь Цвибельштока?

— Факты, факты убѣждаютъ меня въ этомъ. Я могу въ настоящее время насчитать до двухъ десятковъ подобныхъ [имѣній, перешедшихъ въ руки различныхъ Цвибельштоковъ и Вурстмановъ. Въ прошломъ году уже одинъ изъ нихъ изъявлялъ желаніе. Да, дѣла-то наши очень запутаны и продажа чего-бы то ни было не въ нашей волѣ. Опека, коммиссія—вотъ наше горе?

— Скажите, пожалуйста, неужели у всѣхъ помѣщиковъ такъ же плохи дѣла, какъ у Ш-дурскаго?

— Ну нѣтъ-съ! Хр-вицкій, Щ-тъ, Бен—скій живутъ припѣваючи. Мы, видите-ли, старовѣры. При расходованіи денегъ, держимся старыхъ правилъ и привычекъ, а примѣниться къ новымъ требованіямъ не желаемъ да и неумѣемъ. Вотъ и дошли до того, что, считаясь по названію владѣльцами чуть-ли не милліоннаго состоянія, на самомъ дѣлѣ нищіе.

— Однако, господа, наслышавшись и начитавшись про бѣдность Бѣлоруссія, я, судя по тѣмъ мѣстамъ, которыя проѣзжали и проходили, не знаю, что и думать, заговорилъ въ свою очередь Тучный, обращаясь къ пану Рачку. Земля, положимъ, не черноземъ, но далеко и не пустынная Сахара. Деревня и ихъ жители вовсе не имѣютъ нищенскаго вида. Постройки хорошія, скотъ, хотя и мелкій, но сытый, видъ бѣлорусса совсѣмъ не такой несчастный, тупой и забитый, какъ мнѣ рисовало мое воображеніе.

— Такъ, такъ.... понимаю. Вы, изволите-ли видѣть, упустили кое-что изъ виду, отвѣчалъ панъ Рачекъ. Во-первыхъ, читали вы про Бѣлорусь, вѣроятно, сочиненія, написанныя въ то время, когда на то была большая мода, т.-е. послѣ шестидесятихъ годовъ, а въ тѣ годы общій видъ края былъ дѣйствительно другой, чѣмъ теперь. Крестьянинъ не только не успѣлъ вздохнуть послѣ крѣпостного права, но даже ходилъ, какъ въ чаду, не сознавая своего новаго положенія. Кто въ то время видѣлъ бѣлорусскую деревню, тотъ не могъ по ней составить о странѣ другого понятія, какъ о краѣ нищихъ. Что касается нашей почвы, то, конечно, она не изъ лучшихъ, но опять-таки не представляетъ сплошной песчаной пустыни. Яснымъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ служить то обстоятельство, что отъ освобожденія крестьянъ прошло только двадцать съ немногимъ лѣтъ и Бѣлорусь нельзя узнать. Откуда взялись свѣтлыя, вмѣсто прежнихъ курныхъ, избы; сапоги вмѣсто лаптей; лошади, скотъ? Изъ земли и ни откуда больше. Хлѣбъ съ сосновой заболонью и мякиной давно забытъ, а какъ живетъ бѣлоруссъ и

каковъ его духъ въ настоящее время, сами увидите сегодня на большомъ привалѣ, а то, пожалуй, и на ночлегѣ, въ Великомъ Селѣ у Оедота. Найдутся еще, конечно, и въ настоящее время бѣдняки, которымъ живется не лучше, чѣмъ во времена крѣпостного ига. Да то вѣдь „пасынки счастья“, которымъ, что называется, не везетъ, или люди обязаны своей бѣдой себѣ-же: не хозяева, пьяницы, лѣнтяи. — Однако мы тутъ заболтались, а зайцы посмѣиваются надъ нами. Веди, Петрусь, собакъ. Проговоривъ послѣднія слова, панъ Рачекъ всталъ и все общество двинулось за нимъ.

Мѣстность, по которой проходили охотники до сихъ поръ, была совершенно ровной; перелѣски и кусты чередовались съ пахатными полянами, уже зеленѣвшими засѣянной рожью. Теперь-же она замѣтно начала волноваться. Стали попадаться довольно значительные холмы, поросшіе до-нельзя густыми кустами можжевельника, въ перемежку съ малорослой сосной; значительные овраги разнообразили видъ мѣстности. Это и былъ „Чертовъ логъ“, о которомъ упоминалъ панъ Рачекъ, указывая на правленіе Петру.

Уже прошли охотники довольно значительное разстояніе безо всякаго утѣшенія со стороны собакъ, которыя вразсыпную напрасно осматривали кусты, заглядывали въ овраги, какъ вдругъ на холмѣ, густо обросшемъ, будто взвизгнула собака.... Всѣ—и охотники, и собаки—замерли на мѣстѣ, прислушиваясь. Вотъ еще визгъ.... такъ и есть! Вотъ и остальные тявкуши ринулись на помощь счастливому собрату,—а въ это время почуявшая звѣря уже заголосила настоящимъ образомъ. Скоро къ ея голосу присоединились остальные—и пошла такая музыка, что у попавшагося звѣря, я думаю, всѣ блохи подошли.

— Охъ, проклятая кума, палъ дьяблѣ! (чертъ возьми). Толку изъ нея мало, а собакъ въ этой гущѣ она измучить и намъ время убьетъ. Становитесь, господа, гдѣ гуще, да не курите и не шевелитесь, проговорилъ быстро панъ Рачекъ.

Всѣ разбѣжались. Вотъ гонъ направляется прямо на Ицевича. Собаки, по его расчету, уже не дальше 300 шаговъ, значить звѣрь долженъ быть сію минуту. Ружье у него на изготовкѣ. Сердце стучить. Глаза горятъ. Но что-же это такое? Собаки все ближе и ближе, а звѣря все нѣтъ. Вотъ онѣ шагахъ въ 50, въ 30, въ 15.... И вдругъ.... о, скандалъ! поворачиваютъ вправо и гонятъ къ вершинѣ холма.... Не иначе—лиса замѣтила его и свернула. А вѣдь какъ стоялъ!—не шевельнулся. Такія штуки

кума продѣлываетъ поочереды со всѣми охотниками и мучаетъ собакъ битыхъ два часа.

Наконецъ пану Рачку удалось, вѣроятно, изобразить изъ своей колоссальной фигуры громадный камень, или нѣчто въ родѣ холма и надуть прозорливую куроцапку: она вышла на него и пала бездыханная, смертельно пораженная. „А, каналья!“—а, протобестія! Собачекъ совсѣмъ измучила!“—говорилъ панъ Рачекъ, поднимая куму безъ церемоній за хвостъ и стараясь придать злобное выраженіе своему добродушному голосу. „А чего ты стоишь въ настоящее время? Гроша не стоишь! Теперь, Петрусь, возьми ты на свору троихъ стариковъ и Знайду Колесника. До Шафарни ничего кромѣ ~~м~~исицъ не найдемъ, а ихъ пока портить не стоитъ. Собакъ спустимъ только за Шафарней и потянемъ къ Великому Селу. Придется намъ однако ночевать въ Великомъ Селѣ. Поздновато уже. А, вы какъ, господа?—обратился онъ къ офицерамъ, — придрематься гдѣ-нибудь на сѣновалѣ не побрезгаете?“

— Вы что это, пане Игнацы, шутить изволите надъ нами?

— Боже упаси! такъ только спросилъ, для формы, оправдался, улыбаясь, панъ Рачекъ.

Переходъ до Шафарни занялъ съ часъ времени. Мѣста, по которымъ проходили охотники, дѣйствительно представляли мало удобствъ для жизни звѣря или птицы. Рѣдкіе кусты, голыя глинистыя поляны, песчаные пригорки, поросшіе чахлой сосной.

Шафарня оказалась еврейской деревней—одной изъ колоній, устроенныхъ когда-то по повелѣнію Императора Николая Павловича. Евреи и до сихъ поръ занимаются здѣсь земледѣліемъ и даже, говорятъ, у нѣкоторыхъ оно идетъ довольно успѣшно. Типъ здѣшняго еврея значительно отличается отъ типа евреевъ-торгашей. Еврей-хлѣбопашецъ крѣпче сложенъ, смотритъ спокойнѣе, т. е. не замѣчается въ немъ присущей всѣмъ сынамъ Израиля, занимающимся гешефтами, пронырливости и суетливости.

Отойдя съ полверсты отъ Шафарни, панъ Рачекъ приказалъ спустить собакъ. Охота однако въ этомъ мѣстѣ вышла неудачной. Подняли пять зайцевъ, изъ которыхъ взяли только двухъ.

День уже сильно перевалилъ за полдень, когда охотники наши вошли во дворъ Оедота.

Оедотъ оказался высокимъ, сильно сгорбленнымъ старикомъ, лѣтъ, я думаю, далеко за шестьдесятъ. Встрѣтилъ онъ гостей во дворѣ, безъ шапки съ низкими поклонами и съ выраженіемъ подобострастія на морщинистомъ лицѣ. Хата оказалась очень

обширной, въ два конца, съ трубою и большими окнами. Внутри, тотъ конецъ, куда пригласилъ хозяинъ охотниковъ, состоялъ изъ одной обширной горницы, вокругъ которой около стѣны стояли широкія, хотя и не совсѣмъ чистыя лавки. Въ правомъ углу помѣщался образъ, украшенный свѣчами и вѣнками. Въ этомъ же углу стоялъ столъ, на которомъ, по существующему въ Бѣлоруссіи обычаю, всегда лежитъ каравай хлѣба и ножъ. Мѣсто это называется „кутъ“ и считается почетнымъ.

Лишь только вошли охотники въ хату, Ѳедотъ началъ отдавать приказанія дѣвушкамъ лѣтъ 18, относительно угощеній. Крѣпкое сложеніе, красныя щеки, бойкій, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ застѣнчивый, взглядъ Гануси, краснорѣчиво говорили о томъ, что она выросла въ другое время, чѣмъ ея дѣдъ, въ обращеніи котораго все-таки замѣчались слѣды раболѣпія, къ которому привыкъ бѣлоруссъ во время крѣпостничества.

— У насъ тутъ сегодня веселье (свадьба): Лукашъ дочку замужъ отдаетъ. Пришлось дочку-хозяйку отпустить на веселье. Она тамъ сватей, а вотъ внуку оставилъ хозяйничать, проговорилъ Ѳедотъ, обращаясь къ охотникамъ, и продолжалъ, обращаясь къ внучкѣ: Ну-ка, Гануся, наливай прежде всего щей, а я хлѣба нарѣжу.

— Ну, старина, извини! Я не зналъ, что у васъ тутъ сегодня праздникъ, а то-бы не причинилъ тебѣ хлопотъ. Вотъ что, Ѳедотъ, не такіе годы твоей Гануси, чтобы пропускать свадьбы. Пусть она идетъ веселиться, а мы и сами управимся. Лишь было-бы въ печи, да въ коморѣ; а тамъ, пожалуй, придемъ и на веселье посмотрѣть. Всѣ охотники поддержали мнѣніе пана Рачка и Гануся была отпущена на свадьбу.

— Да вотъ что, пане Яне, обратился панъ Рачекъ къ Ицевичу, — знаете-ли вы какой такой Лукашъ отдаетъ дочку замужъ?

— Не знаю, пане Игнацы.

— Никто другой, какъ тотъ, который прослужилъ 20 лѣтъ кучеромъ у вашего отца.

— Неужели? Тогда я непременно пойду на свадьбу.

— И по моему вамъ слѣдуетъ пойти къ нему. Обрадуете старика, который, я слышалъ, былъ безгранично преданъ вашему батюшкѣ.

— Какъ-же, непременно пойду! Спасибо вамъ, что сообщили о существованіи Лукаша въ Великомъ Селѣ. Да! Личность Лукаша тѣсно связана съ тѣми горькими обстоятельствами, которыя постигли нашу семью въ 1863 году.

Передъ уходомъ Гануси, въ виду того, чтобы самимъ охотникамъ не приходилось лазить въ печь, все съѣстное сразу было выставлено на столъ. Щи, при приготовленіи которыхъ хотя и не употреблялось утонченныхъ кухонныхъ орудій и приправъ, показались проголодавшимся охотникамъ болѣе чѣмъ удовлетворительными. Тутъ-же въ другой мисѣ стояла сваренная цѣлыми кусками баранина; затѣмъ творогъ со сметаной, коровье масло и въ заключеніе, для десерта — медъ. Хлѣбъ оказался чистымъ, т.-е. безъ примѣси макины, и вкуснымъ. Вообще, судя по внѣшнему виду хозяйства въ домѣ Ѳедота, можно было заключить, что у него полный крестьянскій достатокъ и что достатокъ этотъ поселился здѣсь не съ сегошняго и не со вчерашняго дня.

— А что, дѣдушка, — обратился Ицевичъ къ Ѳедоту, когда этотъ послѣдній повеселѣлъ и сталъ общительнѣе подъ вліяніемъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, которой поочереди охотники угощали старика, — давно вы перестали печь хлѣбъ съ макиной?

— Съ макиной? да лѣтъ десятокъ будетъ; пожалуй и больше; да нѣсколько лѣтъ приходилось такъ, что осень и зиму ѣшь чистый хлѣбъ, а къ веснѣ, глядь, и не хватаетъ. А вотъ съ десятокъ годовъ макины совсѣмъ не пробовали. Свиньи за насъ ѣдятъ.

— А знаете-ли, господа, отправимся сейчасъ-же къ Лукашу, обратился Ицевичъ ко всѣмъ. Я посмотрю на старика, а вы, Тучный, увидите бѣлорусскую свадьбу. Разница въ обычаяхъ Холландіи и Бѣлоруси, полагаю, найдется.

Общество согласилось съ предложеніемъ Ицевича и всѣ отправились подъ предводительствомъ Ѳедота къ хатѣ Лукаша.

Издали еще слышались взвизгиванье скрипокъ, пристукиванье сапогъ, гамъ человѣческихъ голосовъ. — Все это показывало, что „веселье“ уже въ полномъ разгарѣ и что охотники опоздали, чтобы просмотрѣть церемонію свадьбы отъ начала. Народъ не только биткомъ наполнялъ избу, но и окружалъ ее со всѣхъ сторонъ, стараясь помѣститься у оконъ и дверей. При входѣ охотниковъ толпа потѣснилась и сдѣлала имъ проходъ. Въ избѣ встрѣтилъ ихъ совершенно сѣдой, съ длинными бѣлыми усами, но еще бодрый и краснощекій старикъ. (Въ Витебской и вообще въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, большинство крестьянъ и до сихъ поръ придерживается обычая брить бороды. Обычай этотъ, вѣроятно, перенятъ ими отъ поляковъ).

Ицевичъ въ этомъ старикѣ сразу узналъ Лукаша и, протянувъ руку, проговорилъ привѣтливо и съ выраженіемъ радости въ голосъ:

— Здравствуйте, Лукашъ! Какъ поживаете?

— Здравствуйте, панъ, чи-паничъ! привѣтствовалъ онъ въ свою очередь Ицевича и, пытливо всматриваясь въ него, добавилъ,—а вы откуда меня знаете?

— Ахъ, ты чудакъ этакій, Лукашуска! Мнѣ-ли тебя не знать! А кто-же меня училъ ѣздить верхомъ, кто дѣлалъ мнѣ улья и помогалъ сажать въ нихъ шмелей, къ кому я бѣгалъ кушать, особенно вкусно приготовленные, грибы, какъ не къ тебѣ?

Лукашъ видимо былъ озадаченъ. Онъ еще пытливѣе сталъ присматриваться къ молодому человѣку и, уже держа его за обѣ руки, проговорилъ даже съ дрожью въ голосъ:

— Неужто? Неужто, вы сынъ па... Альфонса?

— Сыпъ, Лукашуска, сынъ самый настоящій, а ты и признать не хочешь!

— Боже ты мой, какъ время пролетѣло! Изъ такого ребенка (онъ указалъ рукой аршинъ отъ земли) уже мущина выросъ! Это вы который-же будете—Петрусь, Ясь или Юзя?

— Ясь, Лукашка, Ясь....

— Такъ, такъ.... Не дождался покойникъ увидѣть дѣтей выросшими.—Что дѣлать. Воля Божья. Ну, теперь пойдемъ выпить здоровье молодыхъ, а завтра я съ вами на охоту. Вы вѣдь въ О-вей пойдете?

— Нѣтъ, въ М-лино.

— Ну это еще лучше. Я пани М-кевичевой другъ-приятель по старой памяти.

Охотники старались не обращать на себя вниманіе веселящихся и, прерванные ихъ приходомъ на нѣкоторое время танцы, возобновились съ прежнимъ оживленіемъ. Лявониха, крутелка и бычекъ смѣнялись поочереды.

Нѣсколько стариковъ окружили Ицевича и съ любопытствомъ осматривали его, спрашивая про мать, братьевъ. При этомъ постоянно слышались возгласы, вродѣ: „Не въ отца удался; тотъ былъ повыше ростомъ и пошире. А добрый былъ панъ! Шкода, не долго пришлось пановать. Богъ къ себѣ позвалъ. Какъ это онъ пріѣхалъ передъ повстаньемъ и поѣхалъ по деревнямъ. Ходить это по хатамъ, спрашиваетъ, осматриваетъ клѣти (амбары), скоть, а самъ кажется такой сердитый—страхъ! А на другой день черезъ войта приказъ: „всѣ долговые дни барщины прощаются, только напередъ долговъ не дѣлать“. И съчъ совсѣмъ перестали. До него, бывало, каждый день этотъ самый Шляхтъ человѣкъ 10—15 высѣчетъ, а за нимъ ни-ни. Бывало, приведуть

виноватаго. Всѣ знаютъ, что лѣнтяй и пьяница. Войтъ и говорить: „надо, панъ, его высѣчь“. Куда тамъ! Какъ схватиться, да въ шею виноватаго: „Вонъ, мерзавецъ! Высѣчь! жаль на такого подлеца лозу портить.“ А послѣ это сейчасъ-же отойдетъ и заговорить ласково: „И какъ тебѣ не стыдно! Развѣ ты не понимаешь человѣческихъ словъ? Неужто васъ только все сѣчь, да въ солдаты сдавать?“ И отпустить съ Богомъ.

Видно было, что Ицевичу эти разговоры доставляли много пріятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно волновали его. По лицу его пробѣгало то выраженіе гордости, то радости, то оно омрачалось воспоминаніемъ тяжелыхъ прошлыхъ дней.

Усталость однако рѣшительно стала напоминать нашимъ охотникамъ, что пора и на отдыхъ отправиться, особенно въ виду завтрашней охоты. Ночевать они отправились къ Оедоту, чтобы быть подальше отъ свадебнаго шума и, забравшись на сѣноваль, очень скоро уснули, утонувъ въ не особенно еще слежавшемся сѣнѣ.

Чуть только начало просыпаться и прогонять ночныя тѣни слѣдующее утро, охотники должны были подняться, разбуженные паномъ Рачкомъ и Лукашемъ. Лукашъ, хотя и сильно, надо полагать, усталый, по привычкѣ строго относиться къ себѣ, явился на охоту съ предлинной одностволкой, въ приличныхъ сапогахъ и короткой курткѣ изъ домашняго сукна. Вообще костюмъ Лукаша въ сочетаніи со строгимъ выраженіемъ лица придавалъ ему видъ литовскаго шляхтича, который хранитъ цѣлый сундукъ дворянскихъ документовъ отъ дѣда и прадѣда.

Едва успѣлъ Ицевичъ спуститься съ сѣновала, къ нему подошелъ Лукашъ со словами: „Что, паничъ, не выспались? Ничего. Потомъ—выспимся вдоволь. А теперь пойдемъ немного въ сторону. У меня къ вамъ дѣло есть“. И когда они были безъ свидѣтелей, досталъ изъ кармана два небольшіе, въ серебряной оправѣ, пистолета и подаль ихъ Ицевичу со словами: „эти пистолеты вашъ отецъ во-время повстанья далъ мнѣ спрятать. Я ихъ и держалъ до сихъ поръ. Мнѣ они на что? вамъ-же будетъ дорогая память“. Ицевича тронули до глубины души честность и пониманіе людскихъ чувствъ въ этомъ простомъ человѣкѣ, и онъ съ чувствомъ поцѣловалъ старика, который отеръ рукавомъ, катившуюся по его морщинистому лицу, слезу.

Утро выдалось настоящее середино-сентябрьское. Тихое, погдное, слегка морозное. Сентябрь вообще въ сѣверо-западныхъ

губерніяхъ бываетъ хорошъ; въ особенности для охотника съ гончей. Легкій морозъ посеребрить поля и луга, стянеть слегка воду на лужахъ, а чуть солнце пригрѣло—изморозъ растаетъ и роса стоитъ цѣлый день. Поднятому звѣрю, какъ ни хитри, какъ ни старайся—спрятаться трудно.

Охота въ этотъ день вышла добычливой и разнообразной. Первымъ тутъ-же подѣ деревней, попался, почему-то опоздавшій скрыться отъ дневного свѣта въ своей норѣ, барсукъ. Борьбы его съ собаками никому изъ охотниковъ не пришлось увидѣть. Прибѣжавъ на злобный лай собакъ къ мѣсту катастрофы, они увидѣли уже бездыханный трупъ барсука. Судя однако по слѣдамъ, оставленнымъ на мордахъ собакъ, надо было предположить, что барсукъ защищалъ свой животъ храбро. Знайдѣ Колесника, отличавшейся дѣйствительно вязкостью и злобностью, онъ на правой стороны морды отъ глаза и до носа оставилъ весьма внушительные слѣды. Старому кобелю изъ стаи Ш-дурскаго отхватилъ кусокъ уха и еще одной собакѣ искусалъ ногу. За барсукомъ были подняты одиннадцать зайцевъ и лиса и всѣ легли костями. Затѣмъ послѣдовалъ перерывъ. Пришлось проходить около двухъ верстъ смѣшаннымъ хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ, по словамъ пана Рачка, попадались иногда, но очень рѣдко, зайцы бѣляки. И дѣйствительно ни одного изъ нихъ не удалось поднять. За то охотники, выходя изъ лѣса, на опушкѣ наткнулись на цѣлый выводокъ одичавшихъ кошекъ. Семья состояла изъ стариковъ, изъ которыхъ самка удрала отъ смерти, и трехъ взрослыхъ уже котятъ. Самецъ и трое молодыхъ были одношерстны—пятнисто-сѣрые, самка-же, по словамъ стрѣлявшаго по ней Лукаша, была тоже сѣрая, но съ бѣлой шеей и грудью.

Наконецъ подѣ самымъ М-линомъ были убиты еще три зайца.

Когда охотники подошли къ дому и Констанція Ивановна вышла встрѣчать ихъ на крыльцо, Ицевичъ, взявъ ружье на плечо, подошелъ къ ней учащеннымъ шагомъ и, щелкнувъ по ефрейторски каблуками, отрапортовалъ: „19 сѣрыхъ-косыхъ, 2 кумы-куроцапки, одинъ дядюшка барсукъ и 4 кошки“.

— Кошки? Это что за новость? гдѣ-же вы ихъ стрѣляли—ужъ не здѣсь-ли въ М-линѣ?

— Успокойтесь, Ваше Превосходительство! Это одичавшія кошки, которыя истребляютъ дичь и вслѣдствіе этого являются нашими соперниками, а значить и врагами.

— Это другое дѣло. Охотились вы, значить, недурно, и

потому—прошу обѣдать; въ противномъ случаѣ вамъ пришлось-бы попоститься.

Послѣ обѣда, который отбылся республикански, въ полномъ значеніи этого слова, т.-е. безъ удаленія публики высшаго сорта, какъ Колесникъ и Лукашъ,—между охотниками завязался оживленный разговоръ. Ицевичъ выразилъ удивленіе по тому случаю что, несмотря на то, что въ окрестностяхъ М-лина, повидимому много охотниковъ, дичь не перевелась и водится въ такомъ обиліи, какъ и въ доброе старое время. Панъ Рачекъ, отвѣчая Ицевичу, разъяснилъ, что, хотя, пока они пришли изъ Великаго Села въ М-лино, къ нимъ и пристало человѣкъ 20 съ ружьями, присутствіе и цифра этихъ пентюховъ вовсе не указываетъ на число настоящихъ охотниковъ. Пукалы эти стрѣляютъ раза два въ годъ, когда случится подойти къ лежащему зайцу шаговъ на пять, или выждать на току на такомъ-же разстояніи тетерева. Впрочемъ это до поры до времени. При мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, изъ нихъ сдѣлаются охотники-промышленники, которые живо поубавятъ количество дичи. „Теперь этимъ господамъ не стоитъ охотиться—сбыта нѣтъ. Здѣсь глушь страшная. Ближайшій городишка Д-рза и тотъ въ 30 верстахъ. Убить зайца, тащить его тридцать верстъ и получить 25 копѣекъ—невыгодно. Единственными покупателями у такихъ случайныхъ охотниковъ являемся мы, т.-е. Констанція Ивановна, я, О-вейскій аптекарь, ксендзь, попъ. А мы на плату туги. Заяцъ—15 коп., тетеревъ тоже; пара куропатокъ 15—20 к. Вотъ почему охотничій промыселъ пока у насъ не развился и дичи—слава Богу. Но все это до поры до времени, повторяю. Уже, я слышалъ, нѣмчура, что купилъ фольваркъ у Лопатинскихъ, собирается скупать дичь. Ну да, извольте видѣть, всѣ лѣса и перелѣски, которые, какъ глазомъ кинешь, видны, принадлежатъ пока Ш-дурскому, а я его главный лѣсничій и за что, за что, а за убитую и проданную этому колбаснику дичь—не спущу! Лучше дерево сруби...

— Дичи, положимъ, ежели судить по вчерашней и сегодняшней охотѣ, въ этихъ мѣстахъ много, да дичь, такъ сказать, все мелкая: лиса, заяцъ, да представители пернатого царства,—вставилъ Тучный;—козъ, лосей, конечно, нѣтъ.

— Что касается козъ, то, дѣйствительно, ихъ у насъ нѣтъ да не приходилось слышать, чтобы онѣ и въ прежнія времена водились; ну а лоси есть и не особенно ихъ мало. Нужно только верстъ 30 отъѣхать. А то, неровенъ часъ, можно и свата Михайлу встрѣтить. За этимъ даже далеко ходить не надо. Въ

прошломъ году въ десяти верстахъ отсюда я повстрѣчалъ такого сватушку, что, каюсь, всѣ блохи поздыхали.

Все общество стало упрашивать пана Рачка рассказать эту встрѣчу; въ особенности сильно налегаль Ицевичъ.

— Пожалуйста, расскажите! Времени у насъ до сна еще много, а встрѣча была, надо полагать, интересная.

— Богъ съ ея интересомъ! На будущее время пусть лучше такія встрѣчи проходить мимо меня, а попадаютъ разнымъ Штокманамъ, да Либервурстманамъ; по крайней мѣрѣ, быть можетъ, отобьютъ имъ охоту лѣзть въ нашу песчаную Бѣлорусь. Рассказать, положимъ, можно, да выйдетъ все-таки не то, что было на самомъ дѣлѣ... Не мастеръ я рассказывать.

— Ничего, ничего! Начинайте! приставали Тучный и Ицевичъ.

— Хорошо. Задумалъ я какъ-то поохотиться за рябчиками съ дудкой. Лѣсники наговорили, что ихъ въ Букатинѣ видимо-невидимо. Отправился. Мѣста эти всегда были у меня въ подозрѣніи и потому лѣвый стволъ своей старушки я зарядилъ пулей. Лѣсникъ этого участка долженъ былъ отправиться еще въ срубъ указать сажени покупателямъ; вотъ я и ушелъ одинъ, приказавъ лѣснику, по окончаніи дѣла, придти въ указанное мѣсто. Шелъ, конечно, не торопясь потихоньку. Прошелъ, быть можетъ, версты двѣ—и вотъ предо мною уже логъ, за которымъ и есть царство рябчиковъ. Спускаюсь въ логъ (а онъ весь поросъ густымъ - прегустымъ мелколѣсьемъ), и только дошелъ до два его, вдругъ предо мною встала бестія, да какая! съ меня ростомъ (хотя я и не бестія), морда вся будто мхомъ поросла, изъ ушей цѣлые кусты рыжихъ волосъ торчатъ. Глаза малые, глубокіе,—смотрятъ злобно. Разстояніе между нами шаговъ восемь. Медвѣдей мнѣ и раньше случалось встрѣчать. Судя по тѣмъ, думаю, уйдетъ. Куда тебѣ—даже началъ мормотать и губой подергивать и чуть-чуть подался ко мнѣ. А, думаю, значить тутъ одинъ исходъ. Сотворивъ мысленно краткую молитву, я приложился подъ лопатку сатаны и спустил курокъ. Прежде чѣмъ увидать послѣдствія своего выстрѣла, я услышалъ ревъ, но такой ревъ, что весь лѣсъ застоналъ, а у меня, грѣшного, холодный потъ заструился по лицу. Все это длилось, конечно, одно мгновеніе, послѣ котораго я увидѣлъ медвѣдя, присѣвшаго на заднія лапы и упершагося передней правой въ землю; лѣвой нѣ отчаянно махалъ.

Одного взгляда для меня было достаточно чтобы убѣдиться, что медвѣдь раненъ смертельно. И дѣйствительно ревъ его бы-

стро слабѣлъ и черезъ нѣсколько мгновеній звѣрь, колыхнувшись всѣмъ тѣломъ, рухнулъ на землю, обливая ее, хлынувшей изъ горла, кровью. Присѣлъ и я, вытерся отъ пота. Вотъ вамъ и весь разсказъ, господа. Ну-съ, а теперь за кѣмъ очередь?“ проговорилъ панъ Рачекъ, окидывая взглядомъ общество.

— У меня ничего нѣтъ въ запасѣ, — отозвался Тучный.

— У меня тоже, поддержалъ его Ицевичъ.

— Надо предоставить честь бывалымъ охотникамъ, а мы вѣдь только начинаемъ. Я думаю, Лукашъ могъ-бы разсказать что-нибудь интересное.

— Откуль, паничъ; я охотился мало. Какой я стрѣлецъ; сегодня даже кошку не застрѣлилъ.

— Въ такомъ случаѣ я за Лукаша разскажу, какъ онъ поймалъ медвѣдя и три недѣли приручалъ его въ конюшнѣ, — отозвалась Констанція Ивановна. Лукашъ на эти слова только поморщился и почесалъ затылокъ.

— И такъ, прошу слушать. Лѣтъ около двадцати тому назадъ невдалекѣ отсюда жила, небогато, но въ относительномъ довольствѣ, семья, очень близкая нѣкоторымъ изъ присутствующихъ здѣсь въ данное время. Жила эта семья тихо, спокойно и не подозрѣвая, что бѣду вовсе кликать не надо, что она сама приходитъ и приходитъ предательски, съ той стороны, откуда ее никто и не ожидалъ. Стряслась бѣда надъ цѣлымъ краемъ, все взбудоражила, поставила вверхъ дномъ, а мимоходомъ разбила и жизнь семьи, о которой я рѣчь веду.

Благодаря проискамъ нашихъ западныхъ доброжелателей, — жизнь которыхъ въ болѣзненномъ разъединеніи славянъ, затлѣлось возстаніе 1863 года, которое въ Бѣлоруссіи, сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, проявило свои страшныя послѣдствія. Въ Литовскихъ, на примѣръ, губерніяхъ помѣщики стояли гораздо ближе къ крестьянамъ, чѣмъ здѣсь. Тамъ землевладѣльцы — больше шляхта или помѣщики средней руки, не имѣвшіе возможности постоянно жить за границей, оставляя имѣнія въ полномъ распоряженіи управляющихъ. Здѣсь — дѣло другое. Мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ почти не было. Все богачи, не выдавшіе десятки лѣтъ своихъ имѣній, которыми вѣдали управляющіе, отсылая положенный доходъ помѣщику и столько-же выжимая въ свою пользу. А такъ какъ добыть двойной доходъ нелегко, и добывать его приходится съ натугами, — нелегко приходилось и крестьянамъ въ Бѣлоруссіи. Ихъ обирали, мучили барщиной, истязали розгами, а они въ свою очередь отвѣчали затаенной ненавистью,

которая въ возстаніе 1863 года и проявилась съ страшной, звѣрской силой. Собравшись толпами, они жгли и грабили имѣнія, истязали помѣщиковъ и управляющихъ, мстя за долгіе годы гнета.

Совсѣмъ другое было съ главой выведенной мною семьи, который за два года до возстанія принялъ въ управленіе имѣнія Ш-дурскаго. Крестьяне не только не подумывали объ ограбленіи котораго-нибудь изъ имѣній, а напротивъ, каждую ночь собирались караулить ихъ, чтобы „чужіе не надѣлали бѣды“.

Все повидимому шло хорошо. Старикъ держался въ сторонѣ, называя возстаніе „дѣтской игрой съ огнемъ“, которая можетъ и самихъ играющихъ обжечь и другимъ надѣлать зла. Трудно было однако уберечься. Правительство, стремившееся къ возможно скорѣйшему подавленію возстанія, не разбирало строго, кто правъ, кто виноватъ, да и невозможно было на первыхъ порахъ разбирать. Приходилось ограничиваться заключеніемъ въ крѣпости, остроги, впредь до выясненія дѣла. Попасть-же въ острогъ было очень легко; для этого не требовалось доказательствъ. Достаточно было какому-нибудь доброжелателю явиться къ представителю власти и сообщить, что такой-то ведетъ себя подозрительно: уѣзжаетъ часто изъ дому, принимаетъ неизвѣстныхъ людей и—баста. Вслѣдствіе этого явилось много промышленниковъ-доносчиковъ, которые просто предлагали молчать о вымышленныхъ фактахъ за извѣстное вознагражденіе, въ противномъ случаѣ отправлялись съ доносомъ.

Къ числу подобныхъ промышленниковъ принадлежалъ и извѣстный въ мѣстечкѣ О—веѣ пьяница—мѣщанинъ, прозывавшійся „Дзендзюрай. Разъ какъ-то является этотъ Дзендзюра къ старику Х. и требуетъ 50 рублей, „а не дашь, будишь сидѣць у турмѣ“. Старикъ вспылилъ и прогналъ въ три шеи Дзендзюру. Случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены былъ Лукашъ. Казалось, тѣмъ дѣло и кончилось. Дзендзюра ушелъ и больше не являлся. Доноса на Х. не было. Такъ прошло недѣли три.

Однажды какъ-то вечеромъ жена отозвала Х. въ отдѣльную комнату и сообщила, что имѣетъ Лукаша въ подозрѣніи и боится, какъ-бы онъ не надѣлалъ бѣды. Дѣло въ томъ, что вотъ уже нѣсколько дней она стала замѣчать, что Лукашъ беретъ съ собой въ конюшню куски хлѣба и мяса, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Заподозривъ Лукаша, она пробралась къ окну конюшни и слышала внутри ея разговоръ, хотя словъ разобрать не могла, потому что окно высоко. Успокоивъ жену, Х. послалъ за Лукашемъ и, когда послѣдній явился, приступилъ къ нему

прямо съ вопросомъ: „скажи-ка, Лукашъ, кто у тебя въ конюшнѣ живетъ?“ Лукашъ сначала опѣшилъ, но сейчасъ-же справился и отвѣтилъ просто и спокойно: „Дзендзюра живетъ, панъ“.

— Какъ Дзендзюра?

— Такъ,—Дзендзюра уже третью недѣлю живетъ.

— Какъ это такъ? говори толкомъ, а то я ничего не понимаю.

— Да такъ,—помните, какъ приходилъ онъ требовать 50 рублей, а когда вы не дали, ушелъ, сказавъ, что пойдетъ доносить дѣлать. Я это слышалъ и думалъ—худо. Хотя и невиноваты, а будто виноваты. Вотъ я забѣжалъ въ конюшню, захватилъ бутылку водки, обѣжалъ кругомъ риги и иду навстрѣчу Дзендзюрѣ и тоже шатаюсь, будто пьяный. Соплились мы, я и говорю: „Охъ, Дзендзюрушка! напился я, окаянный! Доведи меня до конюшни, а я тамъ тебя водкой угощу“. Взялъ меня Дзендзюра за руку и пошли мы оба шатаяся, а только вошли въ конюшню, я его цапъ за горло, повалилъ и связалъ возжами. Сначала ему это не нравилось, а теперь нечего,—привыкъ. Я его кормлю, водки даю, а въ вольное время въ карты играемъ. Живетъ онъ у меня въ пустомъ стойлѣ, въ старой конюшнѣ.

— Ахъ, Лукашъ, Лукашъ! спасибо тебѣ,—проговорилъ Х., цѣлуя слугу-друга,—а все-таки Дзендзюру надо выпустить. Чертъ съ нимъ.

И Дзендзюру дѣйствительно выпустили, вознаградивъ за трехнедѣльное заключеніе. Онъ ничего особеннаго не имѣлъ противъ этого заключенія и послѣ часто приходилъ навѣщать Лукаша. О доносахъ онъ уже и не подумывалъ.

— Такъ вотъ какіе бываютъ друзья, заключила Констанція Ивановна, обращаясь къ обществу, а Лукашъ въ это время смеялся за столомъ, будто сидѣлъ на угольяхъ, чувствуя, что вниманіе всѣхъ обращено на него.

— Однако, спать пора, многоуважаемая Констанція Ивановна! проговорилъ сонливо панъ Рачекъ—и такъ какъ на выска занное имъ мнѣніе не послѣдовало возраженій,—въ комнату быливнесены двѣ большія вязанки сѣна, изъ котораго образовалась просторная, душная и мягкая постель, принявшая въ свое лоно усталыхъ охотниковъ.

Слѣдующіе два дня охота исключительно производилась съ легавыми. Первый день охота была по перелѣскамъ и моховымъ болотамъ, съ цѣлью пострѣлать случайныхъ косачей и поискать бѣлыхъ куропатокъ, по мѣстному пардвъ. Какъ первые, такъ и

вторые не заставили себя долго искать. Тетерева то и дѣло срывались передъ охотниками, но стрѣлять ихъ, благодаря густотѣ перелѣсковъ, было очень трудно, что и выразилось количествомъ убитой птицы: четыре охотника подняли по крайней съ 30 штукъ, убили же пять.

Совсѣмъ иное дѣло вышло съ бѣлыми куропатками. Отыскавъ два, повидимому не пуганные еще, выводка, охотники безъ особеннаго труда взяли изъ нихъ 27 штукъ. Затѣмъ, выйдя въ поле, нашли выводокъ сѣрыхъ куропатокъ, но никакъ не могли разбить его, вслѣдствіе чего изъ большого, штукъ въ 25, стада, было взято только шесть.

День уже перевалилъ за полдень, когда охотники наши, оставивъ упрямыхъ куропатокъ, поднялись на гребень, скрывавшій до сихъ поръ передъ ними главное имѣніе Ш-дурскаго—О-вей. Съ этого гребня глазамъ охотниковъ представилось не имѣніе, а цѣлый городъ, протянувшійся на разстояніи верстъ пяти по берегу большого озера. Деревянные дома въ перемежку съ двухъэтажными каменными, православная церковь и католическій костелъ, затѣмъ цѣлый дворецъ въ три этажа, гнѣздо когда-то графовъ Гз-еновъ, а потомъ Ш-дурскихъ,—дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ до трехсотъ комнатъ, — придавали имѣнію вмѣстѣ съ мѣстечкомъ того-же названія видъ очень солидный; а если къ этому прибавить цѣлый лѣсъ аллей, саженныхъ когда-то давнымъ давно, а сзади вида большое, спокойно стоявшее въ данное время, озеро, то справедливость требуетъ признать за нимъ и немалую долю поэтической красоты. Но какъ сильно измѣнился этотъ видъ съ приближеніемъ къ нему! Все, казавшееся издали въ состояніи благополучія, вблизи оказывалось развалинами, только краснорѣчиво говорившими о прежнемъ величіи. Прежде всего охотники приблизились къ большому двухъэтажному дому, служившему когда-то прачешной, а въ настоящее время жилищемъ обыкновеннымъ и летучимъ мышамъ. За нимъ слѣдовали два флигеля, вѣрнѣе скелеты ихъ; развалины когда-то очень большой оранжереи; полуразвалившаяся конюшня—двухъэтажное большое зданіе, съ верхнимъ этажемъ, приспособленнымъ для жилья кучеровъ и конюховъ. По словамъ пана Рачка, очень еще недавно въ этой конюшнѣ бѣло даромъ овесъ до 200 лошадей, а въ настоящее время обитаетъ на просторѣ четыре хромоногихъ клячи. За всѣмъ этимъ слѣдовалъ самъ дворецъ. Да, когда-то это былъ на самомъ дѣлѣ дворецъ внушительный. А въ настоящее.... Боже мой! Но неволь лѣзутъ въ умъ слова пѣсенки:

„Гдѣ прежде процвѣтала Троянская столица, тамъ въ наши времена посѣяна пшеница“. Да, но пшеница посѣяна тамъ, а здѣсь ея и слѣда нѣтъ. Громадный плацъ передъ дворцомъ, пересѣченный искусственнымъ прудомъ, вѣроятно, изобиловалъ излюбленными у свиней кореньями, вслѣдствіе чего онѣ буквально запахали его. Самъ дворецъ съ обвалившимися колоннами, съ безрукими, безносыми, безногими и безголовыми статуями, съ побитыми стеклами, заклеенными во многихъ мѣстахъ бумагой; съ крышею на половину желѣзной, на половину соломенной, — имѣлъ отчаяннѣйшій видъ. Дальше слѣдовалъ паркъ, занимавшій пространство верстъ въ пять квадратныхъ, обнесенный валомъ и обведенный широкимъ, шаговъ въ 150, рвомъ. Въ описываемое время паркъ, конечно, представлялъ полнѣйшую глушь. Дорожки заросли, мосты черезъ ровъ обвалились, у корней столѣтнихъ великановъ, — дубовъ, кленовъ, липъ, тополей, выросла непролазная гуща кустовъ. А вотъ, на примѣръ, насыпанный и носящій названіе „Малой горы“, холмъ. Онъ имѣетъ совершенно правильную коническую форму со срубленной верхушкой. Когда-то на этомъ холмѣ играла музыка, во время гулянья господъ въ паркѣ. А вотъ и „каштановая горка“. Она усажена каштановыми деревьями и по размѣрамъ немного меньше Лысой. Но вотъ третій холмъ, самый затѣйливый по формѣ и важный по причинамъ, побудившимъ владѣльца созвать сотни крѣпостныхъ людей для сооруженія его. Какъ и первые два, онъ имѣетъ форму конуса, саженой въ 15 высоты. Обведенъ онъ громаднымъ рвомъ и обнесенъ валомъ. Какъ валъ, такъ равно и самъ холмъ усажены были, одичавшими въ настоящее время, кустами розъ, жасмина. Холмъ этотъ носилъ названіе „Псей гурки,“ (собачьей горки), а довольно свѣжее преданіе гласитъ, что подъ этимъ холмомъ покоятся бранные останки, любимой до обожанія, когда то существовавшимъ владѣльцемъ, собаки изъ породы шпицевъ.

Подавляющее впечатлѣніе произвели на молодыхъ охотниковъ, выросшихъ въ иное время и воспитанныхъ другими вѣяніями, осмотръ этихъ психъ гурекъ и рассказы пана Рачка о прошлой жизни въ этихъ мѣстахъ. Выпивъ по рюмкѣ водки у колосса и закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, они поторопились убраться, на добытой-же паномъ Рачкомъ телѣгѣ, къ Констанции Ивановнѣ. Правда, М-лино тоже развалина, да тамъ по крайней мѣрѣ нѣтъ на лицо доказательствъ безобразія прошлаго времени, а отъ О-вейскихъ развалинъ вѣяло на нихъ хо-

лодомъ гроба, плѣсенью стараго времени, кровью и потомъ варварски придавленнаго человѣка, а на каждомъ шагу чувствовалось воля неумолимой природы, карающая за нарушеніе опредѣленныхъ ею человѣку правъ. Два-три поколѣнія душили другихъ, жили на счетъ другихъ, сорили добытое чужимъ трудомъ добро, уклонялись отъ опредѣленныхъ природой законовъ, а четвертое поколѣніе явилось безсильнымъ, беспомощнымъ, какъ физически, такъ и нравственно,—и все пошло прахомъ.

Слѣдующій день былъ исключительно посвященъ охотѣ за куропатками. Охотиться пришлось нашимъ немвродамъ только самимъ. Остальныхъ задержали дѣла.

Куропатокъ около М-лина оказалось очень много и охота вышла пріятной и добычливой. Стрѣлялось хорошо, собаки работали безукоризненно. Изъ поднятыхъ пяти выводковъ было взято 43 штуки, несмотря на то, что, измученные трехдневной охотой, охотники вышли въ поле довольно поздно и къ тремъ часамъ пополудни вернулись домой.

Охота вообще вышла добычливой и разнообразной. За четыре дня охоты взято: 27 зайцевъ, 52 сѣрыхъ и 27 бѣлыхъ куропатокъ, 6 тетеревей, 2 лисы и 1 барсукъ.

Остальная часть дня и вечера прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, а на слѣдующее утро, опять пыхтя и шума, поѣздъ мчалъ довольныхъ охотниковъ въ Д-бургъ, гдѣ Ицевича ожидала соскучившаяся объ сынѣ старуха-мать и куча сослуживцевъ въ чайніи побаловаться дичью.